

13 Июля 1929 г.

№ 28.

КРАСНАЯ ПЯНОРАМА

ПОЕЗДКА А. П. ЧЕХОВА НА САХАЛИН

Мар. Пав. Чехова

Это было еще в 1890 году, А. П. Чехов был тогда молод и горел желанием быть полезным общественным деятелем и до болезни боялся, как бы кто-нибудь не узнал о том, что им было сделано в этом отношении. Так он держал себя до самой смерти, а когда умер, то выяснилось, при каких ужасных условиях старого режима он строил школы, почтовые отделения, хлопотал о проведении шоссе, об устройстве народных домов, заведывал санитарным участком, вел борьбу с голодом и холерой и т. д. и т. д. Только после этого стали ценить общественную деятельность писателя, а раньше только и слышал он со всех сторон: «Пессимист вы, Антон Павлович!» А этот пессимист принимал у себя в усадьбе ежегодно свыше тысячи человек больных крестьян совершенно бесплатно, да еще снабжал каждого из них лекарствами. Я неизменно исполняла при нем роль фельдшерицы и перевязывала раны.

Осенью 1890 г. он собрался на Дальний Восток. Тогда ходили слухи о тяжком положении ссыльно-каторжных на острове Сахалине. Возмущались, роптали, но тем и ограничивались, и никто не предпринимал никаких мер. О правительстве нечего было и говорить. Молодой и пылкий Антон Павлович не мог сидеть спокойно в то время, когда знал, что в ссылке мучаются люди. Он решил ехать туда. Помню, как загорелись глаза у всех членов нашей семьи и как все были горды тем, что Антоша затеял такую серьезную работу. Одна мать скорбела, но старалась не показывать своей печали и весело участвовала в сборах. Закинула работа, все стали помогать будущему путешественнику, кто чем мог. Мне назначена была работа ходить в тогдашнюю Румянцевскую библиотеку и списывать там из разных источников статьи, касавшиеся о. Сахалина и ссыльных. Много и терпеливо я писала, пришлось даже привлечь к этому делу подруг. Отец и братья тоже не сидели сложа руки, а исполняли разные поручения писателя.

Подготовительная работа, продолжавшаяся несколько месяцев, наконец окончилась. Были куплены: кожа, револьвер, финский нож и разные другие, быть может и вовсе ненужные вещи. Брат Миша купил ему чемодан, оказавшийся в дороге непрактичным из-за своей громоздкости и замененный Антоном Павловичем, кажется в Иркутске, плоской кожаной «стервой», на которой в тарантасе

можно было спать. Чемодан же Антон Павлович «сослал на поселение в Сибирь», т. е. навсегда оставил в Иркутске (см. его письма того времени).

В сущности говоря, это было отчаянное и весьма рискованно: путешествие. Железной дороги через всю Сибирь тогда еще не было, и надо было ехать на лошадях. В виду отсутствия там транспортных средств Антону Павловичу пришлось купить свой собственный тарантас и затем продать за бесценок где-то уже на Амуре. Выехал он из Москвы 20 апреля, началась весна. Чтобы увидеть Волгу, он отправился с Ярославского вокзала, куда собрались провожать его все родственники и знакомые. Позже всех приехал на вокзал д-р Д. П. Кувшинников, который привез с собою дорожную фляжку коньяку и повесил ее Антону Павловичу через плечо с приказанием выпить только на берегу Великого Океана, что писателем и было выполнено в точности. Печальных лиц не было, все сочувствовали большому делу, предпринятому путешественником, и приветствовали его.

По дороге в Сибирь Антон Павлович расстал еще зиму, а затем написали распутица и половодье. Он не догадался переменить галетки на сапоги, промочил ноги и простудился до кровохарканья. Вероятно уже тогда у него был процесс в легких, но это-нисколько не помешало ему продолжать путешествие и добраться до самого Сахалина. Не буду касаться его дорожных впечатлений, так как они прекрасно описаны им самим в письмах к семье. Скажу только два слова об его необыкновенно энергичной работе. За три месяца пребывания на Сахалине он прошел его весь, с севера на юг, и сделал поголовную перепись всему каторжному населению, для чего без малейшей посторонней помощи им было составлено десять тысяч карточек. Не было таких рудников, такой казармы, тюрьмы или избы, в которой он не побывал бы. С величайшим вниманием и сочувствием он знакомился с жизнью ссыльных и их нуждами. Кажется, он первый обратил внимание на положение детей ссыльно-поселенцев, которое поистине было тяжелое до ужаса. Впоследствии он любил нам рассказывать о девочке, взятой отцом с собою на каторгу и все время державшейся ручонками за его халатлы и спавшей вместе с ним в тачке, к которой он был прикован. Все

А. П. Чехов в 1880 году

Дощечка на дверях квартиры в Москве, где жил А. П. Чехов

очень хорошо относились к Чехову на острове Сахалине, и он даже получал от ссыльных подарки. — Медный колокольчик, работы одного из каторжных, до сих пор стоит на камине в кабинете писателя в Ялтинском доме и молчаливо свидетельствует о путешествии Чехова на Сахалин.

Но вот материал был собран, и надо было возвращаться домой, но ехать обратно тою же дорогой Антону Павловичу не хотелось. Его тянуло в Японию, в Индию, — и он сел на пароход Добровольного флота «Петербург», переименованный впоследствии в «Березень», и отправился в далекое морское путешествие. Япония не приняла его по случаю холеры и он ограничился только Сингапуром и островом Цейлоном. Цейлон поразила его своими красотами природы.

Путешествие обратно вполне было благополучно для писателя, если не считать кровохарканья. Пароход довез его до Одессы, а оттуда он приехал в Москву, где его радостно приняла семья и друзья. Теперь предстояли огромные труды по разборке привезенных материалов, их группировке и счетной обработке и по писанию статей в газеты и журналы. Результаты его поездки на Сахалин были огромны. В значительной мере благодаря его статьям, появившимся в «Русской мысли» и других органах, ссылка на Сахалин была отменена, и положение сахалинских мучеников изменилось к лучшему. Кроме двух томов под названием: «Остров Сахалин», поездка Чехова на Дальний Восток обогатила русскую литературу еще такими прекрасными рассказами, как «Убийство» и «Гусев», не считая его удивительных записей с дороги.